

1

ГЛАВА

Зима в этом году пришла раньше обычного. Маркус Хейз возвращался с дежурства, отбиваясь от кучно летящих в лобовое стекло хлопьев снега. Они слипались еще на лету, атакуя машину белыми ошметками, закрывая и без того непроглядную даль. «Дворники» прессовали снег в кашу и размазывали ее по стеклу. Радио шипело пропадающими новостями. Маркус покрутил регулятор приемника.

Национальная метеорологическая служба предупреждает об усилении ветра. По возможности воздержитесь от дальних поездок.

Голос зашипел и пропал, как и все пропало еще неделю назад: и улицы, и дома, и дороги — все скрылось за снежной пеленой. Маркус прищурился, пытаясь понять, где именно находится, но только белоснежная рябь замерцала в глазах. Шины скользили по накапанному снегу, колеса прокручивались, теряя сцепление с дорогой. Да и где она была, та дорога? Ничего не разглядеть... Хейз, как в морском тумане, не видя ни пути, ни горизонта, как и все внезапно ослепшие, пробирался ти-

хо, будто на ощупь, по засыпанным дорожным маякам.

По правой стороне вдоль обочины мерцали красные стоп-сигналы паркующихся машин. Люди бросали их где придется и добирались до дома пешком. Маркус включил поворотник и встал в один из придорожных карманов под знаком «Парковка запрещена». Знак этот он заметит только завтра утром, когда после бессонной ночи, проведенной в морге, дойдет до своего авто. Пока же Маркус шел в сторону дома, безудержно моргая от летящего в лицо приставучего липкого снега. Живот светло... нет, не от голода, это совсем другое. Он вдохнул холодный воздух, пытаясь расправить легкие, но холод застрял в груди — и вышел кашлем. Надвинув на лицо ворот куртки, Маркус шел против бури. За свои сорок лет он не видел такого кошмара. Темные облака вереницей неслись вдаль, не давая просвета земле; они неслись, гонимые ветром, освещаемые лишь у горизонта робким светом уходящего дня.

* * *

Кэтрин поставила пирог в духовку, выставив таймер на тридцать минут. Скоро дом наполнится запахом ванили и печеных яблок. Маркус любил этот запах, напоминавший ему детство. Она надеялась, что это хоть как-то отвлечет его от работы. За последний месяц он изрядно устал.

Кэтрин отошла от духового шкафа, когда жар подошел к стеклу. Она любила смотреть,

как поднимается тесто, как оно покрывается легким румянцем, как сворачиваются от жара края торчащих из формы яблок. Но сейчас Кэтрин смотрела на дверь. Маркус уже полчаса как должен был приехать. Снежная буря шла стеной, закрывая собой и дома, и дорогу, и все, что было на ее пути, не давая и шанса разглядеть хоть что-то. Кэтрин припала к окну, провела ладонью по покрывшей его испарине — все та же холодная пелена, густая, беспросветная, только желтые лампы уличных фонарей проступают через снежное марево...

Машины Маркуса все еще не было видно. Одна фара его старого «Опеля» была неисправна, и поэтому этот одноглазый седан можно было узнать за версту. Никого... Кейт посмотрела на дверь. Она не выносила, когда Маркус гремел ключами — у него их была целая связка, — но сейчас ждала этого брэнчания, как никогда. Все было тихо — ни звука, ни шороха колес за окном, ни голосов соседей, лишь тишина, белое туманное безмолвие. Кейт стучала прозрачными ногтями по дубовому столу, отбивая знакомый ритм. Включила радио — помехи на станции прерывали эфир. Телевизор показывал лишь серые полосы и черную надпись об отсутствии сигнала. Мир будто выключил себя.

* * *

Маркус шел по проезжей части — все тротуары были забиты машинами. Те, кто еще не терял надежды, буксовали на покато́м склоне,

медленно съезжая вниз. Он и не помнил, когда последний раз была такая метель. Посмотрел на часы — без четверти девять, он опять заставил себя ждать... Если ему что-то и не удалось в этой жизни, так это быть хорошим мужем. Кэтрин, конечно, говорила другое, но он-то знал, что она отчаянно врет. Маркус шел на ощупь, лишь по привычке понимая, где он. Все дома растворились в тумане, повороты и разметка скрылись под белым полотном.

Маркус вдруг понял, что забрел не туда. Дом, который казался соседним, оказался совсем не тем домом, а Маркус очутился не в том дворе. Выйдя опять на дорогу, он лишь по рекламным щитам догадался, на какой улице стоит. Этот парень с белоснежной улыбкой, что смотрел на него сверху вниз, предлагая сменить страховку, был в километре от его дома. Маркус вытер лицо рукавом и побрел вдоль дороги. Снег, уже перешедший в дождь, и не думал стихать.

* * *

Таймер разразился пронзительным писком — и тут в дверь наконец постучали. Кэтрин пошла открывать.

«Маркус опять потерял ключи, — думала она, подгоняя себя, — или оставил их на работе...» Замедлив шаг, потянулась к замку.

За дверью молчали. Маркус никогда не молчал, он сразу кричал через дверь: «Да, я опять их забыл». Но Кэтрин вспомнит об этом секундами позже. Замок прокрутился на два оборо-

та, дверь распахнулась от промозглого ветра, ледяной холод обдал ее с головы до ног. Кейт огляделась по сторонам, вышла на улицу. Никого. Только колючий снег обжигал кожу. Она прищурилась, пытаясь взглянуть в холодную пустошь туманного перекрестка — ни души. Вернулась в дом и закрыла дверь.

Звук чьих-то шагов. Обернулась. Удар.

Нестерпимая боль охватила голову, нервным током разнесясь по ослабшему телу. Кэтрин чувствовала, как задрожали ноги, как онемели и бездвижно повисли руки, как странно скривился рот.

По виску стекало что-то теплое. Она медленно осела на пол; дом поплыл, как и стены, как и все перед ней. Темные ботинки подошли ближе, темные перчатки закрыли ей глаза. Темнота.

* * *

Мимо Маркуса шли безликие силуэты спешащих куда-то людей. Они шли странно быстро, то и дело обгоняя его и друг друга. Или это он слишком устал... За поворотом уже виднелась темно-красная черепица его типового дома — он один был с такой черепицей, все другие — стандартно серые. Зато выделялась она издали, и чем ближе подходил Маркус, тем четче виднелась крыша и даже часть трубы. Снегопад уже подутых — лишь туман не спешил растворяться, так и держался над городом, хороня его под собой. Маркус приба-

ЛОРА КЕЙЛИ

вил шаг. Что-то сдавило в груди. Как далеко он оставил машину... завтра бы встать на полчаса раньше, чтобы успеть дойти до нее. Кто-то задел его локтем.

– Извините, – сказал этот кто-то.

– Ничего, – ответил Хейз.

От человека пахло ванилью и печеными яблоками. У Маркуса заныло в животе.

2

ГЛАВА

Маркус уже подходил к крыльцу дома, когда понял, что дверь открыта. Она скрипела на сильном ветру, подвывая ему металлическим стоном. Порог был покрыт слоем снега, им уже заносило прихожую.

Непонятная тошнота подступала к горлу, руки пробила непривычная дрожь. Маркус ускорил шаг, но казалось, все так же топтался на месте. Секунды, что летели еще мгновение назад, вдруг превратились во что-то тягучее, не дающее сдвинуться с места.

— Кэтрин! — крикнул Маркус. — Кейт, ты там? Дверь открыта, Кейт!

Он кричал, но голос, сливаясь с ветром, стал с ним единым целым, превратясь в неотчетливый гул.

— Кэтрин!

Хейз вбежал по ступеням на заснеженное крыльцо, распахнул дверь — и замер. Все было в тумане. Или это дым... На потолке пищали пожарные датчики, поливая весь дом водой. Кэтрин лежала на мокром полу.

Маркус кинулся к телу, пытаясь найти исчезнувший пульс. Он его не найдет, он уже это понял. Сколько он повидал смертей за свою дол-

гую жизнь... Кэтрин мертва, ее череп пробит, на полу у виска лужа крови. Его пальцы все еще ищут биение, хоть какие-то признаки пульса. Ничего. Маркус припал к холодным щекам жены, убрал с ее лба мокрые волосы и застонал. Он почти ничего не видел, слезы застилали глаза; в ушах звенело, тупая нарастающая боль давила на затылок. Он слышал только вой гулявшего в доме ветра, что раскрыл настежь дверь. Мертвый холод пробирал до костей.

Духовка не переставала пищать. Маркус оторвался от тела жены и посмотрел на плиту. Этот запах печеных яблок... Он вспомнил его.

«Извините...» — оглушающим эхом разнеслось у него в голове. «Извините», — вырвалось с силой наружу, ударяясь о стены, заполняя пространство.

Маркус встал с колен и попятился в сторону ветра.

— Я сейчас, — шептал он, глядя на жену, — я скоро приду.

И ринулся прочь из дома, оставив Кейт на полу.

* * *

Буря не утихала — напротив, лишь усилила вой; казалось, она издевалась над ним, закрыв собой весь город, превратив дома в силуэты, а людей — в темно-серые тени. Эти призраки плыли навстречу неторопливо и кучно, не давая пройти. Их стало как-то непривычно много, этих прохожих теней. Маркус проносился мимо

каждой, врезаясь, принохиваясь, вглядываясь в лица. Тени оборачивались, и ворчали, и так же брели себе дальше. Кто-то из них спросил: «Вы в порядке?» Кто-то пальцем крутил у виска.

Туман окутывал всю округу, превращаясь в маревый смог. Маркус пробежал два квартала и огляделся вокруг: ничего и никого не было видно, люди тоже исчезли. На улице постепенно темнело — ночь в дни бурь и снежных метелей приходила часа на два раньше. Маркус не мог отдышаться; сердце зашлось, вырываясь из ребер, не давая вздохнуть. Он вдруг вспомнил, что так и оставил жену у порога, всю мокрую, в снегу и крови. Она же замерзнет, подумал он и тут же осекся. Пошатнулся, но с трудом устоял. Дома, только что стоявшие шеренгой, вдруг скольцевались и закружились. Хейз расстегнул ворот куртки; жар бил по вискам, ноги заплетались, спотыкаясь одна о другую. Он опять пошатнулся, попытался удержаться за чей-то почтовый ящик, но оступился и рухнул в сугроб. Как же жарко внутри... Как же холодно снаружи...

Сколько Маркус так пролежал, он не помнил; очнулся лишь от дальней сирены пожарных и полицейских машин. Поднял голову — вдалеке виднелись проблесковые маячки, красные и синие. Это, должно быть, к нему...

* * *

Пожарные уже отъезжали от дома, когда Маркус дошел до него. Ноги его, словно скованные, с трудом ступали по уходящей из-под

них земле, а он все старался тащить свое полумертвое тело туда, к телу мертвой жены.

Полиция уже была там. Кристофер ходил возле тела Кэтрин. Медэксперт, сложив ватные палочки в небольшой прозрачный пакет, закрыл свой чемоданчик.

— Ну, я пойду, — сказал он, задержав взгляд на Хейзе, и опустил глаза.

Собака ела с руки одного из полицейских.

— Ничего не нашли. Осмотрели весь дом — никаких следов кражи.

— Сработала сигнализация: приехали пожарные, вызвали нас, — слышал Маркус голос Криса. — Мне очень жаль.

Тот хотел приобнять брата, но лишь тихонько похлопал его по плечу.

* * *

В доме пахло печеными яблоками. Дым рассеялся, с потолков перестало лить. Кейт все так же лежала на мокром полу; возле нее ходила сержант Раслин и освещала фотовспышками ее упокоенное лицо. Она посмотрела на Хейза, сжала губы и ничего не сказала — просто продолжала снимать.

— Чертовы пожарные датчики, — сказал Кристофер. — Если здесь и были чьи-то следы, то вода все смыла.

— Если есть отпечатки пальцев, найти их не проблема, — возразила сержант.

— Да, знаю... — Крис посмотрел на брата. — Тебе лучше присесть.

Маркус не двигался с места.

— Послушай, дружище, лучше присядь. — Кристофер подвинул один из стульев.

Маркус смотрел в пустоту.

— По первому осмотру, — продолжил Крис, — никаких следов сексуального насилия не было.

Он не знал, что еще сказать.

— Можно забирать? — спросила Раслин у Хейза. — Я уже закончила, и эксперты тоже.

Маркус молчал.

— Унесите, — сказал Кристофер двум ожидавшим у двери парням.

Кэтрин положили в черный мешок, погрузили на носилки и унесли.

— Если хочешь, можешь остаться у нас, — сказал Кристофер.

— Нет, мне надо в морг.

— Но там тебе нечего делать...

* * *

Запах больницы и формалина, высокие двери, каталки, бьющиеся об них, люди в больничной униформе, проходящие мимо него, длинные лампы холодного света неустанно трещат, отдавая треском в висках...

— Я попросил Раслин как можно быстрее сделать те фото, — сказал Маркус, сидя напротив высокой железной двери.

— Когда она их проявит, я сам тебе их принесу. Что тебе здесь делать? Прошу тебя, езжай к нам домой.

- Никуда я не поеду.
- Что ты хочешь услышать?
- Причину смерти.
- Ты же и так все знаешь. Езжай к нам, пожалуйста, я вызову такси.
- Нет, я к себе, — сказал Маркус. — Я поеду к себе, только утром.

* * *

Солнце уже всходило, когда Маркус вышел из морга; он уже ничего не боялся и не чувствовал ничего. Ни тела, ни ног, ни земли под ногами.

«Причина смерти: черепно-мозговая травма, ишемия мозга, кровоизлияние в мозг. Примите мои соболезнования, мистер Хейз», — шумели в ушах слова медэксперта.

Раньше в моргах пахло спиртом и формалином, но сейчас еще и... Ему казалось, что он сходит с ума, — повсюду мерещился запах ванили. Ему казалось, что он сам пропитался им. Хотя, может, оно и правда... Тот тип тоже так пах.

«Извините», — вспомнил Маркус голос ублюдка. «Извините», — звенело в больной голове.

Хейз подставил лицо снежной буре — и разрыдался в нее.

3

ГЛАВА

Маркус провел ладонью по запотевшему окну. Белое море так и стояло над городом, не собираясь никуда уходить. Филиппа уже заканчивала мыть полы и перешла на мебель; она старательно протирала высокие столовые стулья, от спинки до ножек, сверху вниз, сверху вниз. Темноглазая женщина работала уборщицей в их отделе, а также подрабатывала по вечерам. Кристофер попросил ее вымыть полы в доме брата — но, узнав, какое горе случилось у мистера Хейза, Филиппа решила вымыть все, даже мебель, а заодно и поставила суп на плиту, он пах говядиной и лимоном.

Хоть чем, думал Маркус, лишь бы не ванилью.

Кэтрин все еще была в морге, а ему по-прежнему казалось, что он бросил ее. Уснуть у него так и не получилось. Вся постель пропиталась ее запахом, вся спальня — ее духами. Маркус вцепился в измятую простыню — так и встретил рассвет.

Филиппа протирала стол, напевая какой-то мотив.

— Нужно больше есть, мистер Хейз, — причитала она.

— Нужно, — повторил Маркус.

Он никак не мог забыть того ублюдка. Уже тысячу раз прокрутил в голове тот момент. Мужик был среднего роста и весь в темном.

«Извините», — крутилось в измученной памяти Хейза. «Извините», — скрипело по нервам.

Ожидаются снежные бури. Просим водителей воздержаться от дальних поездок.

Радио ожило и тут же заглохло, испуская предсмертный хрип.

Маркус покрутил ручку приемника. Обрывки джаза сменялись попсой, новости прерывались на полуслове и опять уходили в скрипучую пустоту. Он выдернул шнур. Холодное и белое смотрело на него через сумрак затянутого неба. Облепленное снегом до середины окно опять покрылось испариной. У Маркуса все сильнее болело в висках. Он включил кран и подставил под струю пульсирующую голову; вода стекала от темени по волосам, спускаясь по шее и уставшей спине. Боль и не думала отступать; она, как вой самолета, нарастала с каждой секундой все сильнее и жестче, отдаваясь гулом в ушах. Он зажмурился и выключил кран. Филиппа напевала все тот же мотив, на кастрюле дребезжала стеклянная крышка, выпуская дух лимона и мяты.

Маркус вытер лицо и открыл глаза. За окном в белом тумане стоял мужской силуэт. Его заносило снегом, скрывало под метелистым ветром, но это был он — тот человек. Он сто-

ял посреди пустой улицы и смотрел прямо на Хейза. Внутри у того все будто похолодело. Маркус чувствовал, как онемели ноги, как кровь, приливая к темени, обожгла лицо.

Он побежал к двери.

— Куда вы? — только и успела окликнуть Филиппа.

Хейз слетел со ступеней.

— Куртку, куртку наденьте!

Завернул за дом. Снег слепил, ветер перехватывал сбитое дыхание. Хейз перепрыгнул через калитку. Пробежал метров сто, огляделся по сторонам — и перестал дышать. Никого. Вдохнул в себя обжигающий холод. Только тишина и вой монотонного ветра. Маркус оглядывался по сторонам, кружась и кружась на месте, не в силах понять, куда же делся этот тип. Только белизна мерцала перед ним, ветер обдувал мокрую голову, хлопья снега облепили лицо, тонкими льдинками опутив ресницы. Пальцы его покраснелись и замерзли до боли, он еле дышал.

— Маркус, — услышал он голос откуда-то издали. Или ему показалось... — Маркус! — послышалось снова.

Хейз обернулся.

«Раслин», — понял он.

Она бежала навстречу, моргая и жмурясь от ветра, вытирая покрасневшее от холода лицо и крича через бурю:

— Господи, ты же почти раздет!

Маркус посмотрел на себя. Он и правда выбежал в чем был.

Раслин приближалась. Вот она совсем уже рядом, обнимает его, охватывая теплом, трогает холодную голову, ругает за что-то... Хейз слышал ее неотчетливо, он смотрел лишь на белый конверт, что был у нее в руках.

— Это фотографии Кэтрин? — спросил он.

— Почему ты мокрый? — Она трогала его волосы. — Хочешь заболеть?

Ему было все равно.

— Это те фотографии? — Хейз потянулся к ней.

— Нет. — Сержант убрала конверт во внутренний карман куртки. — Сначала ты вернешься в дом. Да и снег, — она посмотрела на небо, — испортит снимки. — Еще раз погладила его по волосам. — Почему тебя оставили одного? — Она будто задыхалась. — Ты замерз, посмотри на себя...

Пальцы его, красные от холода, будто кто-то колол сотнями мелких иголок. Маркус сжал кулаки.

— Почему с тобой никого нет? — Голос Раслин задрожал.

Он молчал. И почти ничего не слышал, пока шел до своего дома. Раслин бежала за ним.

— Со мной Филиппа, — наконец сказал Хейз, заходя за порог.

— Кто?.. А, это вы, — узнала она уборщицу из отдела.

— В такой холод и без одежды, — сокрушалась женщина.

Филиппа молча посмотрела на Хейза, положила на стол мокрую тряпку, взяла свою сумку, поклонилась и пошла к двери.

— Это уму непостижимо, — продолжала Раслин, когда уборщица скрылась за дверью. — Что ты делал на улице?

— Я видел его.

— Кого? — Раслин отшатнулась.

— Убийцу.

— Ты знаешь убийцу?.. Подожди, а почему в управлении никто не в курсе?

— Я не знаю, кто он. — Маркус подошел к Раслин, распахнул ее пуховик и залез во внутренний карман. — Ты не против? — Достал фото.

— Что значит «я видел его»?

— Я знаю, что это он. Столкнулся с ним за пять минут до того, как обнаружил Кэтрин.

— Но с чего ты взял?

— Это он.

Маркус открыл конверт. Все заволокло тишиной; он уже не слышал ни Раслин, ни каких-то иных звуков.

Снимки... На полу их дома, вон в том самом проходе, лежала его Кэтрин с пробитой головой. Одна рука на полу, другая схватила цепочку на шее. Волосы в крови, глаза закрыты. Маркус будто снова оказался в том дне...

— Перестань. — Раслин взяла фотографии и положила их на стол. — Зачем тебе смотреть на них?

Она сжала руками его щеки, потом сняла с себя шарф и стала вытирать им его мокрую голову.

— Результаты полной экспертизы готовы? — спросил Хейз.

— Еще только полдесятого утра. Лаборатория — не я, Маркус, она не будет работать всю ночь. — Раслин поцеловала его в лоб, но тут же отодвинулась.

— Мне нужно позвонить Крису. — Отстранив ее, Маркус пошел к телефону. — Спасибо за фото, ты мне очень помогла, — сказал он, набирая номер.

Раслин кивнула.

— Алло, Крис! — Гудки в телефоне прервались характерным шорохом. — Крис, ты слышишь меня, алло! — В телефоне хрипел голос брата. — Да, это я. Что? Нет, не ищи ее, Раслин у меня. Она принесла фото.

Маркус посмотрел на Раслин, но та уже скрылась.

— Она уже ушла... принесла фото и ушла, да. Слушай, Крис, мне нужно, чтобы ты приехал. Нет, не надо подсылать ко мне свою жену. Мне нужно, чтобы ты приехал сейчас. Я видел убийцу.

Трубка на том конце ударилась о телефон и протяжно загудела.

4

ГЛАВА

— Что значит ты видел убийцу? — Кристофер влетел к брату, затаив с собой уличный холод.

— Закрой дверь. — Маркус раскладывал на столе фотографии Кэтрин, осторожно поправляя каждую из них.

— Этим делом занимается Итан, — еле слышно произнес Крис.

Маркус оторвался от стола с фотографиями и посмотрел на брата.

— Не понял...

— Этим делом занимается Итан Эванс.

— Почему он? — У Маркуса свело пальцы, они покрылись мелкой дрожью; дрожь перешла на руки и выше, искривив и без того болезненную мимику. В минуты стресса что-то происходило с его лицом — рот всегда изображал непотребную случаю улыбку. Этой страшной улыбки Крис всегда боялся. Она говорила лишь об одном — брат не контролировал свое тело. Для полицейского это начало конца. — Почему Эванс? Он в отделе убийств всего два года!

— Перестань, он опытный...

— Мне лучше знать!

Маркус ударил по столу. Фотографии с убитой Кэтрин подпрыгнули и сдвинулись с места. Он посмотрел на них и, будто извиняясь, стал раскладывать карточки, как они лежали.

— Вот так, — шептал он, сдвигая уголок к уголку.

— Ты и правда думал, что это дело могут отдать тебе? — как можно аккуратнее уточнил Кристофер. — Капитан посоветовал тебе взять отпуск. Точнее, как посоветовал — настоял.

Маркус посмотрел на брата, потом опять на разложенные в ряд фото и стал менять их местами.

Кристофер, поморщившись, отвернулся. Еще неделю назад они встречались в ресторане — взяли столик на четверых. Кэтрин, как всегда, смеялась над его шутками, а Маркус ворчал, что ни черта не смешно... Сейчас от нее остались лишь эти карточки, и как бы он ни хотел запомнить ее живой, у него это плохо получалась.

— Ты сказал, что видел убийцу, — вспомнил Кристофер, зачем пришел, не понимая, правда, почему Маркус не бьет тревогу.

— Да, вон там, за окном, — совершенно спокойно сказал тот. — Этот тип стоял посреди улицы и смотрел на меня. Я не рассмотрел его лицо из-за снега, но знаю, что это он.

— Этот тип — в смысле убийца?

— Да...

Этого Крис боялся больше всего. Посттравматический бред. Такое случается, и это надо

лечить; но даже трудно представить себе, чтобы брат его пошел к психологу.

— Стоял и смотрел? — переспросил он.

— Да, я узнал его. Подонок налетел на меня метров за двести от дома. От него пахло ванилью и печеными яблоками, от него пахло моей женой.

— Тебе надо отдохнуть. — Крис подошел к брату, взял его за плечи и попытался обнять.

— Нет, послушай меня!..

— Я слушаю.

— Он вышел на меня из метели. Я почти ничего не видел — ни лица, ни особых примет, только черный силуэт в снегу, он был весь усыпан снегом. Он задел меня и извинился, от него пахло ванилью и яблоками.

— Я понял, понял...

— Как и в доме, как и в тот день. А сегодня он стоял за окном.

— Почему же ты не побежал за ним?

— Я пытался, Раслин подтвердит; я выбежал, но...

— И она его видела? — удивился Кристофер.

— Кто? Раслин? Нет, она подошла уже потом, когда я потерял его из виду.

Кристофер окинул брата сочувственным взглядом.

— Ты выходил на улицу вот так? В такой холод?

— Это не важно, — шептал Маркус; взгляд его был ошалелым, руки тряслись. — Это не имеет никакого значения — главное, что он

следил за мной. Он никуда не уехал, он до сих пор в городе...

Маркус замолчал, почти задохнувшись от подступающей ярости, в висках его опять застучало. И Крис не знал, что ему сказать. Будь это не его брат, а кто-то другой, он и дальше вытаскивал бы из него эти бредовые мысли, как и советуют психологи, докопался бы до истины, говорил бы с ним на одном языке... Но поддерживать паранойю Маркуса он не хотел, только не он. Только не его брат.

Тишину разрядил телефонный звонок. В кармане Кристофера разрывался мобильник.

— Да, я слушаю, — ответил он, не сводя глаз с брата. — Нет, я не в отделе...

Маркус смотрел на разложенные фото. Кэтрин на них была такая красивая — волосы выющиеся, руки тонкие... Она будто спала на полу, если б не кровь. Маркус взял одно фото, там, где Кэтрин была в полный рост, — Раслин пришлось встать на стул, чтобы сфотографировать ее сверху. Что-то странное почудилось ему, словно это фото на миг исчезло и в руках его оказалось другое такое же, точно такое же, но не оно... Не может такого быть... Маркус потер глаза. Он будто где-то его уже видел, это самое фото, будто когда-то Кэтрин уже лежала вот так... Вот только когда?

— Скоро буду, — Кристофер завершил разговор. — Звонили из отдела. Повреждения в височной области у Кэтрин... — Он на секунду замолчал, вобрав в себя с трудом воздух —

в этом доме все было тяжелым, и воздух словно пропитался свинцом.

— Что? Говори!

— Рана Кэтрин имеет характерный след, — выдохнул Кристофер. — Такой же, какой был у Сильвии Бейтс.

Маркус отшатнулся от стола. В глазах его потемнело, ноги задрожали, зубы скрипнули друг о друга. Он сжал кулаки.

— Ты в порядке? — спросил его Крис, не зная, что еще можно спросить.

Маркус молчал. Перед ним проносилось прошлое. Это дело вел он. Тогда он так и не поймал убийцу. Дело закрыли за недостатком улик.

— Перестань, — сказал Кристофер, — «висяки» есть у каждого. Поймать всех невозможно, тем более с нашей системой. У меня вон два нераскрытых убийства и один грабеж, лет пять уже висят...

Хейз всмотрелся в фото жены. Вдруг Кэтрин на нем исчезла, будто растворяясь в черноте негатива, и появилась Сильвия Бейтс. Хейз зажмурился и потер виски; все качалось и плыло перед глазами, и этот стол тоже... и фотографии на нем перемещались с места на место, тесня одна другую. Он выдохнул и вдохнул, посмотрел на люстру, на привычные стены, на Крису, что уже ровно стоял, и опять на фото. Сильвия на них вновь стала Кэтрин.

— Ладно, поехали в отдел. — Кристофер хлопал брата по спине, затем накинул ему кур-

тку на плечи, повязал вокруг шеи огромный шарф и взял под руку.

Маркус поплелся к двери, положив фото Кэтрин в карман.

* * *

— Так ты говоришь, у тебя была Раслин? — спросил Кристофер, когда они уже сели в машину.

— Да, она принесла фотографии.

— А просто отдать их мне она не могла? — Он повернул ключ — старый «Рено» заворчал и запустился. — Я и сам мог их занести.

— Какое это имеет значение?

— Да, ты прав, никакого...

Кристофер замолчал и включил «дворники». Маркус смотрел в снежную мглу. Когда убили Сильвию Бейтс, он первый приехал на вызов. Его «дворники» также работали без устали, преодолевая непреодолимую стену дождя — тот хлестал напрапалую, закрывая улицы и дома. Весь мир казался невидимым, и Маркус пробирался на ощупь, ориентируясь лишь на огни светофоров. Машин перед ним тогда не было — впрочем, как и сейчас. Народ в их городке осторожный, и осторожность эта, по мнению Хейза, граничила с трусостью. Как бы то ни было, никто в такую погоду из дома не выезжал.

Миссис Бейтс лежала на заднем дворе своего двухэтажного дома, вся в опавших листьях и грязи; рана в височной области была уже

промыта дождем, проявив непонятный рисунок. Позже они выяснили, чем он был.

Убийцу искали два месяца, ни одна из экспертиз не дала результата. Ни подсказки, ничего. Следов сопротивления, как и сексуального насилия, также не было, вообще никаких следов.

Преступника никто не видел. Ни один из опрошенных соседей. Можно было подумать, что они лгут, — но не в тот день: тогда из-за ливня не видно было ничего. Впрочем, как и сейчас... Лишь вдалеке виднелись силуэты домов, очертания крыш, укрытые снегом заборы. Почтовые ящики скрипели дверцами на сильном ветру. Все бежало перед глазами, весь город, все улицы и переулки, все большие и небольшие дома. Маркус уткнулся лицом в стекло. Запотевшее, холодное, оно отрезвляло его, приводило в чувство — но совсем ненадолго. Хейз закрыл глаза. Он опять видел Кэтрин в цветочном платье, как она провожала его, как просила заехать в пекарню за багетом и пачкой масла, а он опять ничего не купил, он забыл, как всегда... Маркус смотрел в бесконечное белое: оно то сжималось, то рассеивалось вдали, проявляя, как на фотопленке, доселе скрытую жизнь: плакаты громоздких реклам, столбы, фонари, качели, вывески магазинов, а на крыльце одного из них...

— Тормози!

Человек в пальто выходил из двери бакалеи.

— Стой!

Крис надавил на педаль.

— Что такое?

— Это он!

— Кто?

Маркус выскочил из машины и побежал.

До магазина было метров триста. Силуэт в черном пальто уходил быстрым шагом за угол другого дома. Маркус поскользнулся на повороте и чуть не упал; снег впивался в лицо, ветер наступал порывами, возвращая Хейза назад. Вот уже и сам магазин, и крыльцо, и тот дом, за который завернул этот тип, и объездная дорога рядом. Маркус смотрел на дорогу — там, посреди нее, в свете фонарей и приближавшихся фар стояла Кэтрин. Хейз не двигался с места. Это была она, точно она, в зеленом платье и вязаной кофте до самых колен — она так много вязала, как много у нее было этих кофт...

— Кэтрин! — крикнул было он, но слезы, подступившие к горлу, намертво сковали его голос.

— Маркус! — Подбежавший Кристофер встряхнул его за плечи: — Маркус, очнись!

— Это она...

— Кто? — Брат оглядывался по сторонам.

— Моя Кэтрин...

— Марк, посмотри на меня. — Крис обхватил его голову. — Посмотри на меня, хорошо? Она мертва, Кэтрин больше нет!

Маркус огляделся, пытаясь отыскать ее снова, но ничего не увидел. Ничего, кроме зыбучего снега, дороги и надвигающихся фар.

5

ГЛАВА

Свет едва проникал в закутки подвальной комнаты и тут же растворялся в ней. И без того небольшие окна закрывали кусты репейника; дождь шумел по крыше беспорядочным постукиванием, отдаваясь глухим эхом под землей. Дверь наверху заскрипела и резко хлопнулась; щелчок выключателя, треск издающей лампочки, тяжелое дыхание, кашель, хрип... Шаги медленно спускались по лестнице. Темный силуэт, выйдя из тени, оказался мужским. Человек прошел в глубь подвала, снял перчатки и бросил их на письменный стол. Завалившись в старое кресло, трещащее по швам, расстегнул верхнюю пуговицу тугого ворота серой рубашки, достал платок из кармана брюк и протер вспотевшее лицо. Даже дождь не смог смыть впитавшийся в кожу едко-соленый пот. По вискам стекали огромные капли; он провел ладонью по волосам и стряхнул остатки воды. Осень была на редкость дождливой и привычно туманной, значит, зима будет снежной — а снег, да еще и с туманом, был бы как раз очень кстати. Очень хорошо, если будет так, подумал запыхавшийся человек. Лампочка болталась над подвальной лестницей, не

освещая и половины пространства. Мужчина порывлся в кармане пальто и достал измокшие спички. Чертова погода, выругался он и открыл коробок. Чиркал то одной, то другой; все они соскальзывали и ломались. Наконец в его руке оказалась одна почти сухая. Он резко провел ею о стену; спичка вспыхнула и загорелась, осветив скромную обстановку перед ним.

На доске, приставленной к кирпичной стене, фотографии девочек и женщин. Он водил близ них горячей спичкой, освещая каждое лицо. Девочка лет шести, девочка лет двенадцати, ниже — фото женщины, все они улыбались. Все, кроме той, что висела в самом низу, — улыбка на ней искривилась в предсмертной гримасе. Он помнил эту гримасу как сейчас, он помнил этот день и этот запах осенней погоды, гнилые листья, скользкую слякоть, и он по этой слякоти бежал. Спичка погасла, дойдя до пальцев, но он все видел и без нее: все эти лица на магнитной доске стояли перед его глазами даже в кромешной тьме. Он потянулся к ним, хотел взять одно из фото, но тут же отдернул руку и посмотрел наверх. Кто-то ходил по дому суетно и торопливо.

Спотыкаясь о подвальную утварь и старую мебель, мужчина пробрался к ступеням и поднялся наверх. Давно пора навести здесь порядок; давно он так думал, последние несколько лет...

Поднялся на первый этаж. Возле тумбы со стационарным телефоном, листовая справочник, стояла его жена. Она протяжно всхлипы-

вала, то и дело вытирая нос руками, но из него все текло и текло.

— Что такое, Марта? — спросил он.

Она обернулась, но даже не взглянула на мужа — так, проскользнула еле заметно изнеможенным взглядом — и опять уткнулась в пожелтевшие от времени, смятые на уголках старые листы. Вдруг руки ее задрожали, как и подборок, как и вся она; телефонная книга выпала и распласталась страницами вниз на истертом от времени паркетном полу.

— Что случилось? — Он подошел к ней.

— Она потерялась, Грег... — сказала Марта, поднимая желтую книгу.

— Опять?

— Я не могу нигде ее найти!

— Успокойся...

— Наша дочь неизвестно где, а ты говоришь — успокойся?

— Я лишь хочу, чтобы ты не поднимала панику. Она же не в первый раз уходит, не так ли? — Он взял жену за плечи. — Ты же сама говорила, такой сейчас возраст, ты сама говорила мне, дорогая...

Он смотрел на жену в надежде отыскать в ее лице и взгляде хоть каплю здравого смысла, но все было тщетно. Истерика, охватившая ее, не давала ей и шанса подумать.

— Но я не знаю, что делать, Грег! Я же мать! Я не могу сидеть и ждать сложа руки, когда моя дочь неизвестно где!

— Ты ездила в школу? — спросил он ее, зная, что ездила.

— Да, — Марта судорожно кивала. — Она была в школе и должна была идти на танцы, я поехала ее встречать, но ее там не оказалось, все девочки вышли; правда, я сомневаюсь, что это был ее класс, но все же я подождала, пока выйдут все классы, дождалась звонка, а ее так и не было...

— Может, занятия отменили и она пошла прогуляться?

— Прогуляться? Одна? Нет, она всегда меня ждет.

— Она уже давно не ребенок, милая. — Грег поймал настороженный взгляд жены. — В таком возрасте все они стыдятся родителей, мы им мешаем.

— О чем ты говоришь! Я же не преследую ее.

— А по-моему, преследуешь.

— Я просто оберегаю ее, я просто хочу, чтобы она вовремя приходила домой!

— Вот увидишь, она вернется. — Он прошел на кухню. — Наверное, опять пошла к своей подружке, как ее там... Мари, Лилибет?

— Эбигейл, — всхлипывала жена, — ты даже имен ее друзей не помнишь... — Она покосилась на него исподлобья.

— А зачем мне их помнить? — Грег налил ей воды. — Они меняются каждый месяц. Сегодня она дружит с одной, — он поднес ей стакан, — завтра с другой, перессорятся все, а потом по новой... Попей, дорогая, попей.

— Не буду я ничего пить! — Она ударила по руке мужа, стакан отлетел к стене и разбился,

оставив лишь мокрый след на паркете и россыпь прозрачных осколков.

— У тебя опять истерика, — сказал Грег совершенно спокойно и, взяв небольшой веник, начал все подметать — так медленно и спокойно, словно и не случилось сейчас ничего.

— Лучше быть истеричной, — заходила она нарастающим плачем, — чем такой бездушной, как ты!

— Ты не права, дорогая. — Грег высыпал осколки в ведро. — Надо пройтись пылесосом, — он оглядывал пол, — может, где что осталось...

— Если ты сейчас же не сядешь в машину и не объедешь каждый дом этого города, — закричала Марта, — я позвоню в полицию и буду ездить с ними сама! Ты знаешь, какое сейчас время, ты знаешь, какая преступность?

— Тебе нужно меньше смотреть телевизор. — Он продолжал подметать.

— Так ты едешь со мной или нет?!

— Накинь кофту, там холодно, — сказал Грег и взял со стола ключи от авто.

Марта уже вышла из дома, когда он, замешкавшись у двери, услышал телефонный звонок. Недолго постоял у дребезжащей трубки, потом медленно снял ее и поднес к уху.

— Алло, мистер Бернар? — послышалось нечетко на том конце.

— Да, это я. — У него перехватило дыхание.

— Это Кристофер.

— Кто?

— Кристофер Хейз.

— Ах, да-да, — выдохнул он, — очень рад вас слышать.

— Вы звонили мне неделю назад по поводу вашей дальней родственницы...

— Да-да, звонил.

— У меня хорошие новости. У нас нашлось место уборщицы. Я понимаю, зарплата небольшая...

— Нет-нет, что вы, этого более чем достаточно. Так я передам, чтобы она пришла?

— Конечно-конечно, пусть приходит, устроим ее хоть завтра.

— Спасибо вам.

— Все, что могу, мистер Бернар, все, что могу...

Грег повесил трубку, постоял еще немного у аппарата — и только когда услышал раздрающий звук автомобильного клаксона, вспомнил, что его ждет жена, а он опять не закрыл авто...

Сколько раз они уже объезжали этот квартал. За последние пару месяцев их дочь потерялась... он попытался вспомнить... наверное, раз в четвертый.

— У нее переходный возраст, Грег, — все еще плакала Марта, смотря на скрывающиеся за дождем знакомые улицы. — Это что-то невыносимое. Когда-нибудь она просто исчезнет и не вернется домой. Ты знаешь, что сделал бы со мной мой отец, если б я вот так же, бездумно...

Грег молчал.

— Он бы выпорол меня, да, — она всхлипывала, — сейчас так не принято, сейчас нужно

разговаривать с детьми, но как можно с ними говорить, если они тебя не слышат?

Грег следил за дорогой.

— Вот! — вскрикнула Марта, тыча дрожащим пальцем в лобовое стекло. — Заедем к Тейлорам, может, она зашла к ним, она же дружит с их девочкой, ты помнишь?

— Тейлоры переехали, дорогая.

— Ах, я и забыла... а куда?

— Куда-то к югу, ближе к морю. — Грегори указал на следующий дом. — Давай заедем туда...

— Конноры? — удивилась она, наморщив лоб.

— Угу...

— У них этот Джеффри, такой противный... Чего бы наша дочь у них забыла?

— Ну, мало ли, — Грег завернул к дому, — этих подростков не поймешь.

— Ты что-то знаешь? — Марта посмотрела на мужа.

— Знаю что?

— Они что, встречаются? — Она вылупила на него свои уставшие глаза. — Моя дочь и этот Джеффри Коннор?

— А чем он плох?

— Вот уж не надо, — протянула Марта. — Я все могу понять, но этот пацан, кем он станет? Чистильщиком кондиционеров?

— Чем тебе кондиционеры-то не угодили? — Он завернул к гаражу мистера Коннора, где почти всегда было свободно. Тот не ездил уже десять лет.

— Наша девочка достойна лучшего, а не этого обалдую. — Марта захлопнула дверь.

Грег звонил в заунывный звонок.

— И с чего ты решил, что она может быть здесь? — ворчала Марта. — Вместо того чтобы объехать всех ее подруг, мы стоим тут и тратим драгоценное...

— Привет, Грег, — дверь открыл невысокий мужчина с большим пивным животом. — Марта, приятно видеть, — кивнул он ей.

— И мне, — криво улыбнулась она, даже не пытаясь скрыть свою неприязнь.

— Чем обязан... ой, — он выпустил хмельную отрыжку, — простите.

Марта поморщилась, но промолчала.

— Наша дочь не у вас? — спросил Грегори.

— У нас... — Кивнув, мистер Коннор снова рыгнул. — Была у нас еще десять минут назад, Джеффри пошел ее провожать.

— О господи, — Марта всплеснула руками, — я думала, что-то случилось...

Она как-то вся обмякла и облокотилась на мужа. Тот едва успел ее удержать.

— Да все как всегда, — сказал мистер Коннор и посмотрел на Грега. — Она раз в четвертый уже сбегает, да? В прошлом месяце пару раз, на прошлой неделе, — теперь он смотрел на Марту, — и вот сейчас...

— Да... — Грег потупился.

— Подростки, что с них взять, — сосед заулыбался, — сами такими были.

38 — Я никогда не была, — возмутилась Марта.

— Охотно верю. — Мистер Коннор снова посмотрел на нее. — Может, зайдете?

— Нет-нет, мы домой, — сказал Грег и повел жену к машине.

На обратном пути то ли от перенесенного стресса, то ли от свалившейся за день усталости Марта заснула, припав к боковому стеклу, а проснулась уже дома в постели.

6

ГЛАВА

— В конце концов, совсем необязательно, что это тот же самый убийца.

— Но ты же понимаешь, что все признаки...

— А всех с ножевыми давай запишем на одного преступника.

— Не каждый день убивают женщин отбивным молотком...

В отходящем от сна мозге Маркуса еще долго спорили вчерашние голоса. Это были Крис и Итан. Они стояли за приоткрытой дверью стеклянного кабинета Итана и говорили тактичным шепотом, чтобы, не дай бог, он их не услышал. Этот шепот был громче крика, и Маркус слышал все. Ему казалось, он даже видел их лица за этой стеклянной коробкой, прикрытой желтоватыми жалюзи.

* * *

Итан закурил и причмокнул.

— Я понимаю, что убили Кейси, такая трагедия...

— Ее звали Кэтрин!

Этот болван оказался тем еще кретином.

— Верно-верно, Кэтрин, но разве это дело поручили вам? — звучал все тот же противный голос.

— Дело Сильвии вел Маркус.

— И что это меняет? Он же, по-моему, не раскрыл его, или я что-то путаю?

Кристофер молчал.

— Кстати, — Итан причмокнул еще раз, — его разве не отправили в отпуск?

— Да пошел ты к черту!

— Сейчас я сделаю вид, что ничего не слышал, и только из-за сочувствия к Маркусу.

— Иди ты со своим сочувствием...

* * *

Маркус открыл глаза. Все тот же свет заливал комнату, морозный и ясный, — он забыл зашторить окно. Так и уснул вчера посреди дня, хотя все дни были похожи на вечер. Только сейчас прояснилось. Чертово солнце осветило полкомнаты, прошлось по полу, по низу кровати, по ее остывшему следу...

Крис сказал, что пойдет к начальству и попросит, чтобы это дело поручили ему.

Маркус сел на кровать.

К черту начальство. К черту этого Итана. Он все сделает сам.

Уже начинало смеркаться, когда гроб опускали в землю. Все это время Маркус пытался не смотреть на жену, он не смотрел на нее, даже когда прощался, — так и склонился возле гроба, не глядя. Лишь отряхнул с ее пальцев мокрый растаявший снег.

Делали все очень быстро.

Маркус не чувствовал боли, он не чувствовал почти ничего. Одна пустота, бесконечная, темная, вязкая. Она поглощала его, засасывала своей зыбучестью. За его спиной плакала Аннет. Кристофер пытался поддерживать брата, ухватив его за руку, но, кажется, держался за него сам.

— Как это несправедливо, — повторяла Аннет, — этого не должно было случиться, не должно...

Кристофер покосился на жену. Она лишь всхлипнула, сжала дрожащие губы и проглотила плач.

Да, Аннет права, этого не должно было случиться. Если б он работал лучше, если б поймал мерзавца тогда, два года назад, Кэтрин была бы жива...

Земля закрывала лакированную крышку покатога гроба — каждый из присутствующих бросил свою горсть земли. Кто-то произнес краткую речь о том, как рано и несправедливо, о том, как будет не хватать и что на все воля божья, а потом все замолчали. Все молчали и смотрели на Маркуса. Он тоже на всех смо-

трел. Они ждали от него чего-то... ах да, ему нужно было что-то сказать, еще тогда, когда гроб был открыт, и сейчас хоть пару слов...

Он молчал.

— Давай я, — сказал Кристофер.

Маркус отошел за него, потом за Аннет, потом за еще одного человека и еще, он уже стоял за толпой. Кем была эта толпа, он не знал, никого из них не помнил. Ему казалось, он путает лица; все они скакали перед ним, перемещаясь с одного на другое, а потом слились воедино, в одно большое траурное пятно. Толпа сочувствующих незнакомцев и дальних родственников, все они завывали и вздыхали, всхлипывали похоронным шепотом, скрипучим гулом, убивающей жалостью. Маркус отделился от них. Через несколько могил от него проходили еще одни похороны, людей там было в два раза больше. Они тоже говорили и рыдали и... смотрели на него всей толпой. Или ему показалось... У Маркуса затрещало в висках. С чего бы им на него смотреть? Но нет, один из них точно не сводил с него глаз. Человек был в затемненных очках; шарф перекрывал половину лица, ворот пальто поднят на затылок. Человек смотрел на него.

Маркус попытался обойти своих — точнее, тех чужих, что сегодня притворялись своими.

— И тогда Бог сказал... — слышался голос священника.

— Извините, — сказал Маркус, обходя одного за другим, — извините, можно пройти...
Прошу прощения...

Он пытался не упустить его из виду, того, в очках, из соседней толпы.

— Ты куда? — Маркуса взяли за руку. Это была Раслин.

— Там убийца, — прошептал он ей на ухо.

— Что? — не поняла она, оглядываясь по сторонам.

— Убийца моей жены.

— Маркус, не надо. — Она хотела удержать его, потянула за руку, но Хейз ускорил шаг.

— Маркус! — Раслин уже кричала полупшепотом, кто-то в толпе оглянулся и цыкнул на нее. Она закусил губу.

Маркус проходил через толпу.

Те, со вторых похорон, уже расходились, устремив взгляды под ноги. Этот тип тоже уходил. Маркусу казалось, что он вот-вот потеряет того из виду; пальто с поднятым воротом то сливалось с толпой, то вновь появлялось. В глазах у Хейза рябило. Он вспомнил тот день, снегопад и убийцу в двухстах метрах от дома. «Извините», — раздалось в голове. «Извините», — било по памяти. Если б он не оставил машину, если б не пошел пешком, он застал бы его, он не потерял бы...

Маркус очнулся и потер глаза, всмотрелся в толпу. Это был точно он. Но где он? Хейз судорожно всматривался в каждого — и не находил его. Один, второй... Вон он! Его ботинки, брюки, спина, его пальто, такое же черное, вот он ускоряет шаг, опережает кого-то... Маркус рванул за ним.

— Маркус, — донесся до него голос брата.

Но ему было все равно; он уже бежал, огибая надгробия. Нырнул в толпу, толкаясь в спины; вот он, этот с шарфом и поднятым воротом, вот он... Хейз оттолкнул какую-то женщину в красной шляпе, потянулся к нему, дернул за шарф. Человек обернулся. Маркус ударил его по лицу. Толпа ахнула; где-то там кричал Кристофер, за ним бежала Раслин...

— Что вы делаете?! — вопила женщина.

Очки с мужчины отлетели в сторону, как и трость, которую Хейз не заметил. На него смотрели безжизненные забеленные глаза.

— Что вы делаете, он инвалид! — вопила толпа.

Слепой засуетился, ища выпавшую трость, беспомощно водя руками по земле.

— Что ты творишь?! — подоспел Кристофер.

Толпа гудела и вздыхала, кто-то рыдал.

Раслин нашла под ногами вопивших вырощенную трость и передала слепому господину.

— Он только что похоронил отца! — кричала женщина, рыдая.

— Простите нас, — извинялся Кристофер, с силой выталкивая брата из толпы, — простите...

Там еще долго гудели, еще долго провожали их презрительными взглядами. Маркус не мог отдышаться, не мог вдохнуть этот застояло-тяжелый воздух, пропитанный могильной духотой, не мог прийти в себя.

7

ГЛАВА

— Да что с тобой? — Кристофер посадил брата в машину. — Я все понимаю, правда, я многое могу понять... Мне очень жаль, Маркус, — он никак не мог попасть ключом в замок зажигания, — но чтобы бросаться на людей, да еще и на похоронах...

Маркус молчал.

Кристофер повернул ключ и стряхнул снег с лобового стекла. Люди неспешно выходили из кладбищенских ворот, похлопывая друг друга по плечам, рассаживаясь по машинам.

— Я отвезу тебя домой и переночую у тебя, если уж ты так не хочешь к нам, — сказал Крис, повернувшись к брату. — Я все же настаиваю, чтобы ты переселился из этого дома. Это же мазохизм. — Он выехал на дорогу. — Если бы я был на твоем месте...

— Ты не на моем месте.

— Пусть так, не на твоем, но я не знаю, не знаю, что мне нужно сделать. Скажи мне, и я сделаю.

Маркус молчал.

— Я поговорил с Николасом, — продолжал Кристофер.

— С кем?

— С нашим штатным психологом. Он и его команда работают с родственниками жертв...

— Мне не нужен психолог.

— Но ты же опять его видел...

— Я думал, это он, понятно? Я обознался, — еле выдавил из себя Маркус.

Кристофер не хотел переспрашивать про тот, первый случай — может, Маркус уже забыл, как выбежал из дома почти раздетый в поисках маячившего перед его домом убийцы? Мания преследования — начальный признак... Кристофер даже думать об этом не хотел.

— Сейчас мы приедем домой, — как можно мягче сказал он, — ты примешь душ и...

— Поворачивай.

— Что?

— Мы едем на Грин-стрит, разворачивайся.

— Это же другой конец города, что ты там забыл? — Кристофер посмотрел на брата. — Ну нет, я туда не поеду! У нас нет никаких доказательств, пока ничего нет.

— Разворачивай, говорю!

Маркус крутанул руль; глыба снега, скопившаяся на крыше, рухнула на стекло. Кристофер нажал на тормоза.

— Да чтоб тебя... Маркус!

— А теперь послушай меня. — Маркус смотрел на брата, не моргая и почти не дыша. — Мы поедem на Грин-стрит и заглянем в один дом, всего в один дом, хорошо?

— У тебя нет разрешения...

— Мне оно не нужно, езжай.

- Что мы ему скажем?
- Езжай, говорю.
- Я останусь в машине. Сам к нему пойдешь.

* * *

Дом четы Бейтс стоял на окраине города в небольшом поселке. Там было несколько домов, неравномерно отдаленных друг от друга. Они стояли как беспризорные сироты, никого не привлекая к себе — ни торговцев никому не нужной техникой, ни проповедников с религиозными книжками. Здесь вообще мало кто жил. Последний раз, когда Маркус был здесь, на этой улице проживали лишь несколько семей. Под подозрение тогда попали сам мистер Бейтс и сын Мэри Ли Паркер, дом которой стоял в трех километрах от этого.

Парнишка был наркоманом, и все подозрения пали бы на него, если б в ночь убийства Сильвии Бейтс он уже сутки как не сидел в полиции, задержанный за хранение наркотиков во время облавы в местном клубе. Маркус сначала подумал, что дружки этого наркомана могли попасть не в тот дом и просто убить несчастную, вымогая у нее деньги, но эта версия сразу же провалилась после того, как Хейз понял, что на месте преступления не было абсолютно никаких следов. Наркоманы — не те люди, чтобы делать все чисто, поэтому, если преступник наркоман, тебе можно сказать, повезло: он наследит везде, где только сможет.

Большинство домов в поселке пустовали, на их фасадах висели огромные плакаты с номерами телефонов риелторов, но никто эти дома не покупал; другие же еще не были достроены, так и стояли возведенными до половины.

До поселка добирались молча, только Кристофер то и дело отвечал на звонки Аннет, постоянно за что-то извиняясь. Ей пришлось прощаться с каждым из пришедших, благодарить их и принимать сочувствие, а еще, наверное, скрывать стыд за выходку Маркуса.

— И что ты ему скажешь? — спросил после долгого молчания Кристофер, когда они уже подъехали к нужному дому.

— Скажу, что дело возобновили из-за схожести почерка двух преступлений.

— Но его не возобновляли...

— Мне все равно.

Кристофера передернуло от этой «схожести», будто Маркус говорил не о жене, которую только что похоронил, а об очередном преступлении, не касающемся его. Может, так оно и лучше — не помнить о смерти, подумал Крис.

Маркус вышел из машины.

— Ты останешься здесь, — сказал он брату.

— Ну и слава богу.

Больше всего Кристофер не любил ставить людей в неудобное положение. Это единственное, что мешало ему в его профессии; каждый день приходилось влезать со своими вопросами туда, где любые вопросы излишни. Беречь старые раны, копаться в личных воспо-

минаниях людей... И его это жутко выматывало. Кристофер смотрел, как брат подходит к крыльцу, поднимается по ступеням, стучится в дверь. Может, дома никого и не будет, подумал он, сегодня и без того ужасный день, только б никто не открыл...

Дверь открыли почти сразу. Крис смотрел на сутулую фигуру мистера Бейтса, работавшего старшим менеджером в одной из компаний в центре. Высокий, в коричневых штанах на подтяжках, он стоял напротив Маркуса и кивал. Через секунду они оба скрылись за дверью.

* * *

Маркус зашел в дом. После слов о повторном схожем убийстве на лице Эвана Бейтса промелькнула еле заметная улыбка.

— Значит, надежда все-таки есть? — спросил он.

— Надежда...

У Маркуса уже не было никаких надежд; все, что было, он похоронил час назад.

— Надежда есть, — выдавил он. — Схожее орудие преступления.

— Молоток для отбивки мяса?

— Именно он.

— Вот оно что, — протянул Бейтс, расхаживая по прихожей, почесывая подбородок. — Вот оно что... — Остановился. — У вас есть какие-нибудь зацепки?

Маркус почти не слышал, что говорил Бейтс. Он пытался вспомнить, был ли сутулым

тот тип, походил ли голос Бейтса на то «извините». Если б не ветер, гудевший тогда в ушах, он бы лучше расслышал, но то «извините» будто донеслось из глубокой пещеры или со дна колодца, придавленное со всех сторон.

— Нет, из зацепок только молоток. — В дом зашел Кристофер.

— Так, значит, это маньяк? — не унимался Бейтс.

— Не исключено.

— Я знал, знал, — Эван затряс пальцем.

— Знали?

— Конечно! — Он выпучил глаза. — Только маньяк мог сделать такое. Разве нет?

— Да... только маньяк, — согласился Маркус.

Тогда, два года назад, Бейтс был одним из подозреваемых в деле Сильвии. Мужья всегда главные подозреваемые в таких делах. Вот только у него было алиби, и не одно, а сразу три.

— И если б вы поймали его тогда, он не появился бы сейчас. Так ведь? Но вы ничего не сделали! — Бейтс расхаживал по кухне. — Мне кажется, вы и не начинали делать...

— Я бы не был столь категоричен, — начал Кристофер, — не каждое дело можно раскрыть.

— Да, вы правы: если бы мы поймали преступника, второго бы раза не произошло, — сказал Маркус.

— И кого убили на этот раз? — Бейтс вытащил сигарету из пачки и поднес ко рту; она повисла на иссохших губах, а он все щелкал

зажигалкой, прокручивая и прокручивая тугое колесико.

— Разрешите, — Кристофер дал ему прикурить.

— Спасибо, — тот причмокнул. — Так кого?

— Это не имеет значения.

— Не имеет? — Затянувшись, Бейтс выпустил вонючий клуб дыма. — И что, даже по новостям не покажут? Помню, когда убили Сильвию, репортеры не давали мне прохода: «Как вы себя чувствуете, мистер Бейтс?», «Не известны ли новые подробности дела, мистер Бейтс?..»

— Мы лишь пришли сказать, что дело возобновят из-за схожести почерков этих двух преступлений, — сказал Маркус.

Он не мог сейчас думать о Кэтрин как о своей жене. Он думал о ней как о деле, о новом деле, которое непременно нужно раскрыть. Вспомни он хоть на секунду, что она — его жена, которую он похоронил сегодня, представь он, что этот менеджер мог быть ее убийцей, он разнес бы ему сейчас всю черепушку.

«У него было алиби, — крутилось у Маркуса в голове, — было алиби».

Он оглядел темную комнату, плавно переходившую в кухню; в раковине не было ни тарелки, на полках лежала пыль.

Когда Маркус был здесь два года назад, все было совсем по-другому. Видимо, дом держала миссис Бейтс. Вот бы ему еще раз осмотреть здесь все...

— Что-то еще? — спросил хозяин дома.

— Да... Я хотел спросить, — начал Маркус. — Не замечали ли вы ничего подозрительного за последнее время?

— За последнее время?

— За то, что прошло с момента убийства вашей жены.

— А что я должен был заметить?

— Может, какие-то люди... Никто к вам не приходил?

— Вы думаете, и мне мог кто-то угрожать?

— Нет, мы так не думаем, — встрял Кристофер. — Перестань пугать людей, — шепнул он брату.

— А где вы были вчера вечером? — спросил тот.

— Я? — удивился Бейтс. — А какое это имеет значение?

— Вообще никакого, — сказал Крис.

— Можно мне осмотреть дом? — Маркус прошел на кухню.

— Опять?

— Что значит «опять»?

— Вы уже осматривали его два года назад. Или забыли?

— Да, я помню. Так можно?

— Пожалуйста, проходите. — Бейтс изобразил радушие.

Маркус прошел в комнату, потом в другую, осмотрел кухню. На столе стояли недопитый кофе и коробка овсяного молока.

— Не пьете обычное? — спросил он.

— Не пью, — ответил Бейтс.